

«Печорин стоял в строю. Мундир гвардейского офицера, надетый на него чужими руками, жал и душил. Он был частью безупречного механизма, винтиком в церемонии уничтожения. Снежная крупа била в лицо, но он не чувствовал холода. Он смотрел на них — этих «преступников», этих мальчиков с горящими глазами, уже простившихся с жизнью и готовых принять свою идею за правду.

Он видел, как их вывели на эшафот. Как зачитали приговор. Как священник поднес крест к губам того, чье лицо показалось ему смутно знакомым — возможно, он когда-то обыграл его в карты или пересекся на балу.

Затем прозвучала команда. Солдаты подняли ружья. Прицелились.

И в эту секунду, растянувшуюся в вечность, Печорин ждал. Он ждал привычного чувства — острой, щекочущей нервы игры со смертью, того адреналина, что гнал его на дуэли, в погони, на авантюры. Он ждал хоть чего-то.

Но внутри была только тишина. Мертвая, ледяная, абсолютная тишина.

Он не чувствовал ничего. Ни страха, ни злорадства, ни любопытства, ни даже скуки. Его душа не просто молчала — ее не было. Она испарилась, выгорела, оставив после себя лишь пепел.

Раздался залп. Хлопок холостыми выстрелами. Кто-то из приговоренных рухнул в обморок.

И тут грянул барабанный бой — отмена казни. Милость. Издевательство.

На плацу началась суматоха: стоны, рыдания, смех истерики, грубые команды офицеров. А Печорин все стоял. Он смотрел на эту картину вселенского позора и понимал, что является ее частью не по приказу, а по самой своей сути. Он — не просто орудие. Он — воплощение этой пустоты, этого циничного фарса. Его демон не просто использовал его для разрушения других. Демон разрушил его самого, выскоблив изнутри, оставив лишь красивую, холодную оболочку, способную лишь носить мундир и исполнять приказы.

Раньше он ломал жизни, чувствуя хотя бы вкус игры, вкус власти. Теперь он понимал, что и это было иллюзией. Он был не игроком, а картой в колоде. Не мечом, но просто холодным железом, которое держит чужая рука.

Вернувшись в казармы, он механически снял мундир. Бросил его на стул. Он подошел к столу, где лежала толстая тетрадь — его дневник, его главная исповедь, его попытка препарировать себя и мир.

Он взял перо. Опустил его в чернила. Замер.

И его рука не дрогнула. Она не дрогнула бы, даже если бы приказали стрелять боевыми. В этом был весь ужас. Не было ни волнения, ни отвращения, ни гнева. Не было ничего. Та самая «полная пустота», о которой он так много размышлял, наступила. Он ее достиг.

Что он мог написать? Все слова казались ему ложью. Описывать свои чувства? Какие чувства? Констатировать факты? Он только что был главным фактом государственной лжи. Анализировать? Любой анализ предполагает живую мысль, а его мозг был похож на промерзшее поле.

Он понял, что любая строчка, выведенная его рукой, будет очередной маской, очередной позой. Позой страдальца, позой циника, позой жертвы. А под ней — ничто.

Он не испытывал потрясения. Потрясать было уже нечего. Он испытывал окончательность.

Медленно, абсолютно спокойно, без тени сомнения Печорин взял тетрадь, подошел к камину и бросил ее в огонь.

Он не сделал это в порыве отчаяния. Это был осознанный, почти ритуальный жест. Он смотрел, как пламя лижет бумагу, чернила пузырятся и темнеют, слова, в которые он когда-то вкладывал свою боль и свою гордость, навсегда исчезали.

Результат был не новое начало, а окончательный конец.

Он не будет писать свою часть «энциклопедии». Его частью станет это молчание. Его вклад — в осознании того, что для некоторых людей история и эпоха не оставляют ничего, что можно было бы сказать. Его прозрение — в том, что он окончательно стал тем, кем всегда боялся стать: чистым, стерильным инструментом. И самый страшный приговор он вынес себе сам, лишив себя последнего права — права на собственный голос.

Он повернулся от огня и посмотрел в окно, на тусклый свет зимнего дня. Его лицо было спокойно. В его глазах не было ни боли, ни тоски. Только бездонная, всепоглощающая пустота. И в этой пустоте — самый честный и самый страшный ответ его эпохе».

***

А теперь — еще раз барабанный бой! Вы только что прочитали рассказ, написанный Искусственным Интеллектом. Изучая его возможности, я дал ему необычное задание — соединить в одном рассказе трех литературных героев нашей классики: Пьера Безухова, Онегина и Печорина и расписать их суждения о той эпохе. Пусть бы Энциклопедию русской жизни продолжили писать сами ее участники — каждый герой своего времени. Не буду приводить творчество ИИ полностью, — он не смог объединить столь разных людей за одним занятием. Его герои после ничем примечательной беседы согласились писать свои главы энциклопедии, но... разрозненно. И по итогу написанные сюжетные линии первых двух героев я опустил — просто в силу получившейся у ИИ банальщины, но вот историю Печорина не мог не выделить и не вынести сюда.

Итак, чем удивил нас ИИ?

Должен приоткрыть секрет. Изложенную выше главу с Печоринным Искусственным Интеллектом написал с третьей попытки. Первоначально он снабдил историю детективным приключенческим сюжетом, прямо скажем, откровенно низкого пошиба. Пришлось напомнить электронному мозгу, что Печорин порожден гением русской литературы, который никогда бы не опустился до вкусовщины неразборчивого потребителя. Я подсказал ему опереться на реальное большое событие тех лет. ИИ сделал следующую попытку, построив сюжет вокруг истории с казней петрашевцев, которую он нашел в мировой сети самостоятельно. И хотя она случилась после смерти Лермонтова, я принял такое литературное допущение.

Но была еще одна неувязка: в обоих вариантах Печорин был изображен циничным искателем приключений — пустым и безрассудным авантюристом. Собственно говоря, ИИ отразил ту подачу главного героя, которая доминирует в

статьях литературных критиков и даже школьных учебных пособиях, что свободно гуляют по интернету (попутно замечу, что Искусственному Интеллекту было предоставлено право подбирать для рассказа материалы в глобальной паутине самостоятельно). Мне пришлось его поправить. Я подсказал нейросети, что в романе Лермонтова описан глубоко страдающий герой, который раз за разом открывал в себе жестокое орудие Рока — Меч Судьбы, которым она карала всякого, кто встречался у него на пути, как бы сильно главный герой этого человека не любил. Это раз за разом подтачивало Печорина, выматывало его душу, и, главное, добавил я, «злой Рок», использовавший Печорина, как орудие, не мог, в конце концов, не обратиться и на него самого, не мог не вычистить его существо.

И вот последняя попытка. — С феноменальным, на мой взгляд, результатом! Вспомните, с чего начинался роман «Герой нашего времени», — с новеллы «Белла», которую фактически окаймляет новелла «Максим Максимыч». Главный герой романа, Печорин открывается читателю на сильном контрасте. Яркий, импульсивный, способный на безрассудную любовь — в воспоминаниях Максим Максимыча, и сухой, безразличный ко всему, абсолютно бездушный, каким он вдруг увиделся писателю. Между этими образами огромная пропасть, большущее белое пятно в повествовании. И это пятно, оставленное Лермонтовым, ИИ заполнил. Он по сути описал, как Печорин стал таким, что могло послужить последней каплей в его мучительных метаниях, что сделало безвозвратным его перерождение. Нам показан момент окончательного слома главного героя — логичный мостик от всех его историй к заключительной по реальной хронологии новелле «Максим Максимыч».

И это все сделал ИИ!!! Перечитайте еще раз им написанное. Как неоспоримо логично всё изложено, как безупречно, ювелирно точно отрывок сцепляет весь роман!

Но что это?! Работа какого-то параллельного Разума?

Согласитесь, описание чисто человеческих, очень глубоких переживаний и впрямь не может не завораживать. Но нет! Это всего лишь схема. Это расшифрованная логика произведения. Это вроде элемента в таблице Менделеева, который первоначально в ней отсутствовал, но был предсказан со всеми своими свойствами великим химиком и, действительно, был впоследствии открыт. Это планета, путь которой был рассчитан астрономами по поведению ее соседей, и которая только после этого была обнаружена — ровно в том месте, где и была предсказана. Каждый писатель может вам рассказать, как нередко в процессе создания произведения оно само начинает диктовать сюжетные линии, подчиняет себе автора. И это всё просто логика сюжета — просто логика сюжета, на которую наслаивается неотвратимая логика эмоций, переживаний, душевных потрясений. Просто логика! И там, и там, и там! Представляете, в этот момент писатель ничего на самом деле не творит, — он просто переносит на бумагу то, что неотвратимо там должно было появиться. Мне самому доводилось попадать в такие ситуации. Складывалось ощущение, что ты становишься не писателем, а читателем своего собственного произведения. И точно так же Искусственный Интеллект реально ничего не творит, он расщепляет мир человеческих реакций, как сказали бы психологи, — человеческих болей, как сказали бы хирурги. И, подобно хирургу,

всего лишь описывает вам симптомы, а, бывает, и предсказывает сроки неотвратимого...

Вот так, нечто безликое и кого-то пугающее, нами самими созданное, помогает нам понять нас самих.

Мы на пороге новой эпохи человеческого бытия. — Когда (извините за сухое бездушное слово) алгоритмизируется мышление, страшно сказать, хирургически препарированы эмоции, боли и радости, открытия и творчество....

И это и не хорошо, и не плохо. Это просто данность. Это просто надо принять, но не для того, чтобы зачерстветь и отказаться от эмоций, болей и радостей, а для того, чтобы, оттолкнувшись от этого — от мощи ИИ, подняться на следующую ступеньку своей души и бытия.

И мы будем свидетелями такого, прямо так и хочется сказать, чуть ли не антропологического вознесения. Жаль только, что написанную выше потрясающую новеллу нельзя вставить в сокровищницу мировой литературы. Как бы красиво и убедительно она туда, подобно новой планете, не вписывалась. Авторское творение неприкасаемо. — Это и есть суть нашего неотъемлемого человеческого.